

Научная статья

УДК 159.955.6

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-43-56

## Аргумент к знанию: проблема определения и оценки

**Глеб Викторович Карпов**

Санкт-Петербургский государственный университет  
Санкт-Петербург, Россия

[g.karpov@spbu.ru](mailto:g.karpov@spbu.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4346-1117>.

### *Аннотация*

В статье показывается, как, изменив привычные формулировки посылок и критических вопросов для презумптивных схем аргументации, можно оценивать аргумент еще до того, как стал известен его тип. На примере аргумента к знанию обосновывается возможность обнаружения видов классических презумптивных схем с учетом типа речевого акта, использовавшегося для их осуществления, и осведомленности говорящего и слушающего о пропозициональных установках друг друга. Виды аргумента к знанию предлагается различать по эпистемическому и иллюкутивному основаниям. Одним из таких видов, вслед за Дж. Остином, можно считать перформативный аргумент к знанию. В статье описываются принципы его использования и намечается контур процедуры оценки.

### *Ключевые слова*

схема аргументации, аргумент к знанию, оценка аргумента, критический вопрос, перформатив, речевой акт

### *Благодарности*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00158).

### *Для цитирования*

Карпов Г. В. Аргумент к знанию: проблема определения и оценки // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 2. С. 43–56. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-43-56

## Argument From Position to Know: The Problem of Identification and Evaluation

**Gleb V. Karpov**

Saint-Petersburg State University  
Saint-Petersburg, Russia

[g.karpov@spbu.ru](mailto:g.karpov@spbu.ru), <https://orcid.org/0000-0003-4346-1117>

### *Abstract*

The article shows how, by changing the formulations of habitual premises and critical questions for presumptive argumentation schemes, one can evaluate an argument even before its type has become known. The argument from position to know is used to justify the possibility of detecting types of classical pre-

© Карпов Г. В. 2022

sumptive schemes when we take into account the type of speech act used to implement them, and the speaker and listener's awareness of each other's propositional attitudes. The types of argument from position to know are distinguished with respect to their epistemic and illocutionary variety. Following Austin one of these types can be considered a performative argument from position to know. The article describes the principles of its usage and outlines the evaluation procedure.

#### *Keywords*

argumentation scheme, argument from position to know, argument evaluation, critical question, performative, speech act

#### *Acknowledgements*

The research was supported by RSF (Project No. 20-18-00158).

#### *For citation*

Karpov G.V. Argument from Position to Know: The Problem of Identification and Evaluation. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 2, p. 43–56. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-2-43-56

## 1. Введение

Большинство аргументов, использующихся в реальных коммуникативных процессах, принадлежит к числу так называемых отменяемых, или презумптивных, схем. Они не являются ни дедуктивными, ни индуктивными схемами, всегда существуют в контексте диалога, оцениваются с помощью критических вопросов и отражают аргументативную компетентность участников общения. Кроме того, отменяемые схемы способствуют выявлению реально использованных аргументов.

Вместе с тем, обращение к описанию составов разных презумптивных схем для того, чтобы определить тип использованного аргумента и оценить степень его обоснованности, в действительности сталкивается с рядом сложностей, о которых учебные пособия по аргументации обычно не распространяются в той степени подробности, в какой эти сложности того заслуживают. К их числу принадлежат проблемы классификации схемы и сопутствующие им затруднения, вызванные сокращенным составом посылок.

В этой статье на примере презумптивной схемы к знанию я покажу, что для эффективного практического применения ее следует дополнить обязательной частью, которая бы содержала рекомендации по выявлению и формулированию разнообразных имплицитных посылок, а также, и это самое главное, – рекомендации, следуя которым можно было бы оценивать презумптивную схему к знанию, сформированную посылками, весьма существенно расходящимися с их общепринятой редакцией. Как мы увидим, очередные попытки сблизить теорию и практику аргументации и намерение позаботиться об удобстве реального пользователя обернутся осознанием необходимости существенных преобразований на теоретическом уровне и сомнением в том, что до сих пор определение и оценка отменяемых схем были поставлены хорошо или хотя бы удовлетворительно.

## 2. Базовые и модифицированные посылки

Представим себе, как Тоби и Трим прогуливаются в окрестностях Шенди Холла недалеко от старой крепости. Они говорят о фортификации и, обсуждая открывшуюся им панораму оборонительного сооружения, пытаются определить

ее элементы. Один из таких элементов особенно привлекает их внимание. Тоби, обращаясь к Триму и одновременно указывая рукой на то, что их в данный момент интересует, говорит:

«Это гласис» (1).

Трим склонен сомневаться в истинности утверждения (1) или прямо считать часть крепости, на которую указал Тоби, не гласисом, а куртиной.

Триму известно, что Тоби – большой знаток фортификации и что книга военного инженера Симона Стевина – его настольная книга. Отсюда он мог бы заключить, что Тоби, указывая на привлечший их внимание элемент крепости и произнося слова (1), а также подозревая в своем спутнике желание не согласиться с тем, что перед ними именно гласис, использовал аргумент к знанию. Приводя в соответствие эту ситуацию с тем, как описывает Дуглас Уолтон в [Walton, 2006. P. 85] структуру аргумента к знанию, можно сказать, что в случае с Тоби и Тримом она примет следующий вид:

Посылка 1\*: Трим полагает, что у Тоби есть источник знания, позволяющий ему судить о том, действительно ли перед ним и Тримом гласис.

Посылка 2: Тоби утверждает, что это гласис.

Заключение: есть основания считать, что это гласис.

Легко заметить, что в реальности, как я ее смоделировал, схема представлена как бы в сжатом виде. Ее первая посылка, посылка об источнике знания, отсутствует. Заклучая, что Тоби, высказав утверждение (1), использовал тем самым аргумент к знанию, Трим восстанавливает посылку 1 на основании того, что ему известно о своем собеседнике.

Теперь пусть Тоби в той же самой ситуации, но за тем исключением, что в этот раз Триму ничего не известно о его увлечении фортификацией, говорит:

«Я знаю, что это гласис» (2).

Трим, как и в первый раз, снова настроен критически. Однако, так как Тоби сказал, что он *знает*, что это гласис, то Трим склонен считать, что и во втором случае был использован аргумент к знанию. Его, опять на основе того, что предлагает Уолтон, теперь можно представить так:

Посылка 1: у Тоби есть источник знания, позволяющий ему судить о том, действительно ли перед ним и Тримом гласис (ведь)

Посылка 2\*: Тоби утверждает, что знает, что это гласис.

Заключение: есть основания считать, что это гласис.

Таким образом, мнение Трима о том, что Тоби использует аргумент к знанию, когда утверждает, что элемент крепости, на который они оба смотрят, есть гласис, может покоиться на том, что ему известно о Тоби, что тот хорошо разбирается в фортификации, или же на том, что Тоби сам прямо говорит, что он знает, что то есть гласис.

Эта разница позволяет уточнить предложенные Уолтоном формулировки посылок данной схемы. Обозначим того, кому предназначается аргумент, буквой *b*, а автора аргумента – буквой *a*. Тогда, в случаях, аналогичных тому, когда

Трим обращается к своему знанию для того, чтобы восстановить аргумент, предложенный ему Тоби, посылка 1 примет вид:

*b* полагает, что у *a* есть источник знания, позволяющий ему судить о том, истинно утверждение *C* или ложно.

В случаях, аналогичных тому, когда Тоби произносит утверждение (2), а у Трима нет иных сведений, позволяющих ему восстановить аргумент, видоизменяется посылка 2. Она принимает вид:

*a* утверждает, что знает, что *C* истинно.

Я называю посылки 1\* и 2\* модифицированными, в отличие от посылок, данных в [Walton, 2006], на которые буду ссылаться как на базовые.

Очевидно, что смысл, который несет в себе базовая посылка 1, не равен смыслу, который содержится в модифицированной посылке 1\*. Последняя предполагает вложенность пропозициональных установок *a* и *b*, знание *b* (или какую-то другую пропозициональную установку, принадлежащую *b*, например, его *убежденность*) о том, что известно *a*; и, кроме того, – их универсальное или их общее знание в том смысле, какой закреплен за терминами «универсальное» и «общее» в эпистемической логике [van Benthem, 2010. Р. 131–141]. Подобно этому разнится смысл внутри пары (посылка 2, посылка 2\*). Заявление «Я знаю, что *C* истинно» предполагает иную, более высокую степень ответственности за свои слова, чем заявление «*C* истинно», ведь знание, на которое ссылаются явным образом как на знание, означает доведенную до предела уверенность говорящего в том, что ошибка в данной ситуации, до тех пор пока не станет известно что-то новое, что касается существа дела, исключена. Эти отличия интересны, конечно, не сами по себе, а в связи с вопросом об оценке всего аргумента.

### 3. Оценка аргумента с модифицированными посылками

После того как тип аргумента выяснен и восстановлены недостающие посылки, нужно сформулировать и задать соответствующие его виду критические вопросы. Такие вопросы позволят выяснить степень вероятности того, что заключение истинно. В случае с аргументом к знанию это вопросы, позволяющие оценить достоверность посылок 1 и 2, и вопрос, ставящий под сомнение честность и надежность автора аргумента, см. [Walton, 2006. Р. 86].

Критический вопрос 1, относящийся к базовой посылке 1, формулируется так: «Действительно ли автор аргумента, *a*, располагает сведениями, позволяющими ему заключить, что *C* истинно?». Критический вопрос 2, соответствующий базовой посылке 2, дается следующим образом: «Действительно ли *a* утверждал, что *C* истинно?» (Задавая критический вопрос 3, исследующий честность и надежность автора аргумента, нужно спрашивать: «Верно ли, что *a* честен и заслуживает доверия?»).

Использование модифицированных посылок влечет необходимость пересмотреть и соответствующие им критические вопросы. Критический вопрос 1, исследующий модифицированную посылку 1\*, который задает себе агент *b*, в ситуациях, аналогичных тем, что описаны выше, может принять, например, такой

вид: «Действительно ли я знаю, что у *a* есть сведения, позволяющие ему заключить, что *C* истинно?» Или: «Откуда мне это известно?» Или: «То, что я считаю, что *a* знает то и то, – это мое знание или только мое мнение?»

Каждая из этих формулировок существенно отличается от общепринятых. Во-первых, все они касаются исследования того, что известно уже не автору аргумента, а тому, кому адресован аргумент. Это означает, что использование модифицированной посылки 1\* и соответствующего ей критического вопроса по-другому распределяет бремя доказательства. Во-вторых, это главное, – такие вопросы, как это особенно видно во второй и третьей формулировках, прямо затрагивают то различие, которое существует между знанием и мнением. В зависимости от того, каким образом определяет *b* характер своей осведомленности о знании *a*, он будет использовать разные критерии оценки этой осведомленности, ведь к степени обоснованности знания и мнения предъявляются весьма разные требования.

Тот, кто использует формулировку этого вопроса в редакции Уолтона, в том случае, когда посылка 1 является модифицированной, оказывается как бы модально, эпистемически незрячим, ведь проблематическим объявляется исключительно наличие или отсутствие знания у автора аргумента. Ни характер этого знания, ни тот факт, что оно в действительности опосредовано представлением того, кому адресован аргумент, кроме того, также имеющим эпистемическое измерение, не принимаются во внимание. Поэтому в таких случаях оказывается неважным, был ли Трим уверен в том, что Тоби разбирается в фортификации, знал ли он это наверняка или только подозревал интерес Тоби, видев того не раз с книгой Стевина в руках. Все это, однако, следует принимать во внимание всякий раз, когда посылка 1, будучи невыраженной, восстанавливается тем, кому был адресован аргумент, на основании того, что он *знает* того, о чем он осведомлен, или *тех мнений*, которых он придерживается.

Критический вопрос 2, в том случае если с его помощью тестируется соответствующая ему модифицированная посылка, мог бы быть сформулирован таким образом: «Действительно ли *a* утверждал, что он знает, что *C* истинно (или он говорил только о том, что таково его *мнение*)?» Здесь, как и в случае с критическим вопросом к посылке 1\*, во внимание следует принимать эпистемический диапазон или горизонт, открывающийся теперь уже не перед *b*, а перед *a*, и в связи с положением дел, таким, что *C*. Я нахожу интересным, что подобный вопрос о диапазоне может быть сделан и в отношении слова «утверждает». В самом деле (это справедливо и для базовой, и для модифицированной посылки 2) *b* мог бы спросить самого себя или *a* напрямую еще и о том, каким именно образом *a* сказал, что (он знает, что) *C* истинно. Другими словами, *b* мог бы задать *a* вопрос: «*a* просто *утверждает*, что (знает, что) *C* истинно?» Или, например: «Имеет ли *a* в виду, что *должно быть так*, что (*a* знает, что) *C* истинно?»... Ответ на такой вопрос важен, ведь «просто утверждать» – не то же, что говорить о том, что «следует знать, что...».

Нечувствительность к способу, при помощи которого высказывается осведомленность *a* о некотором положении дел, может быть названа *иллюкутивной* слепотой. Эпистемическая слепота оценочной процедуры становится явной в том

случае, когда используются модифицированные посылки аргумента к знанию. Посылка 2\* ставит вопрос о необходимости исследования эпистемического состояния автора аргумента, а посылка 1\* ставит аналогичный вопрос относительного того, кому предназначается аргумент и кто собирается его критически оценивать. Иллюкутивная слепота есть когнитивный недуг, которому подвержен тот, кто использует критический вопрос 2 по Уолтону, при этом неважно, обращен ли такой вопрос к базовой или к модифицированной посылке. Однако неспособность различать «Я утверждаю, что С» и «Я полагаю, что С» не так критична, как неспособность видеть разницу между «Я утверждаю, что знаю, что С» и «Я полагаю, что знаю, что С». Вот почему именно в случае с модифицированной посылкой иллюкутивная слепота оценивающей способности критической аргументации называется наиболее пагубным образом. Для таких посылок, следовательно, должна применяться более тонкая процедура оценки.

#### 4. Вопросно-ответные протоколы Остина

Я нахожу в высшей степени удивительным тот факт, что набросок подобного анализа на самом деле уже давно разработан и содержится в большой статье «Чужое сознание» Джона Остина [Остин, 1987. С. 48–95], вышедшей в 1946 году, но до сих пор не привлечшей должного внимания специалистов в области аргументации. Несмотря на то что «Чужое сознание» в целом посвящено, казалось бы, вопросу из области философии сознания – откуда мы можем знать, что другой человек рассержен? – в действительности в этой работе, в особенности это касается неозаглавленного *первого раздела* и раздела, который назван «Если я знаю, то не могу ошибиться», затрагиваются темы, связанные с критической аргументацией, эпистемической и доксистической логиками, эпистемологией и теорией перформативов, а проблема чужого сознания вовсе не является для нее центральной.

Свои идеи, касающиеся собственно процедуры оценки, Остин начинает излагать тогда, когда предлагает читателю рассмотреть следующую ситуацию: пусть *a* (говорящий) в присутствии *b* (слушающего), указывая пальцем на какую-то птицу, произносит фразу «Это щегол». Предположим, что все, что нужно для того, чтобы считать эту реплику аргументом (сомнение у *b*, намерение у *a* убедить и пр.), есть. Если бы я действовал в этой ситуации по протоколу анализа и оценки Уолтона, то я рассуждал бы следующим образом: если исходить из того, что фраза «Это щегол» свидетельствует о наличии у *a* определенного знания о птицах, то она, вероятно, играет роль посылки 1 соответствующего аргумента (и тогда, приступая к ее оценке, следует задать критический вопрос 1: «Действительно ли *a* располагает сведениями...»); если же считать «Это щегол» фразой, в которой по каким-то причинам опущен глагол «знать», и развернутая форма которой имеет вид «Я знаю, что это щегол», то ее можно расценивать как посылку 2 (а критической вопрос в таком случае будет звучать так: «Действительно ли *a* утверждал, что это щегол?» – т. е. сказал ли он *на самом деле* то, что мы услышали?) Как я показал выше, подобные процедуры анализа и оценки обходят стороной вопрос о том, каков характер знания участников *a* и *b*. Кроме того, следует отдавать себе отчет, что это

только допущение, что, услышав фразу «Это щегол», я могу задать критический вопрос 1 или 2, не выяснив, какова вторая посылка предполагаемого аргумента к знанию. (В действительности у меня едва ли есть на это право, так как данная фраза может расцениваться и как посылка какой-то другой схемы аргументации.)

Остин, приступая к разбору аргумента, содержащегося в высказывании «Это щегол», предлагает его автору вопрос:

«Вы на самом деле *знаете*, что это щегол?» (3).

Затем он утверждает, что если на вопрос (3) получен ответ «Да», то это означает, что автор высказывания о щегле считает, что те сведения, которыми он обладает, являются именно *знанием*, т. е. «правильным мнением с объяснением» (знанием по Платону). Если, напротив, получен ответ «Нет», то следует считать, что фраза «Это щегол» выражает исключительно *мнение*, но никак не знание. В зависимости от того, с каким ответом приходится иметь дело, выстраивается дальнейшая процедура оценки. Так, если на вопрос (3) получен положительный ответ, далее может быть задан вопрос:

«Откуда вы это *знаете*?» (4);

и только если на вопрос (3) получен отрицательный ответ, может быть задан вопрос:

«Почему вы так *думаете*?» (5).

Таким образом, вопрос (3), вместе с возможными ответами на него, служит для *b* средством, позволяющим отличать тип эпистемической установки *a*. Вопросы (4) и (5) служат той же цели, но в ином функциональном измерении: услышав вопрос (4), *a* может заключить, что *b* считает его реплику, вызвавшую вопрос, тем, что содержит аргумент к знанию; услышав вопрос (5), он может заключить, что его слова воспринимаются как аргумент, подкрепленный ссылкой уже не на знание, а только на мнение.

Простая система, включающая три вопроса и два единственно возможных ответа на первый из них, служит средством частичного преодоления эпистемической слепоты процедуры оценки аргумента, во всяком случае – в связи с участником *a*. Одновременно с этим она как бы представляет некий набор правил прагматического характера, когда на основании того, для чего и как используется тот или иной вопрос, можно заключать о том, что думает тот, кто его использует – как он расценивает предъявленный ему аргумент, к какому типу он его причисляет.

Прозвучавший вопрос (5) или равным образом прозвучавший отрицательный ответ на вопрос (3) свидетельствуют о том, что, произнося фразу «Это щегол», говорящий описывает субъективные ментальные состояния в связи с предполагаемым положением дел. Факт этих состояний как таковых не подлежит дальнейшему критическому исследованию. Напротив, вопрос (4), равно как и положительный ответ на вопрос (3), есть признаки того, что за упомянутой фразой скрывается попытка отражения объективного положения дел в сознании субъекта, что может быть оспорено и относительно чего критическое исследование может быть продолжено.

Теперь, если мы сравним наборы вопросов, которые предлагают Уолтон и Остин, мы увидим, что они отличаются друг от друга весьма существенно. На-



бор Уолтона не структурирован, т. е. не указана последовательность, в которой их следует задавать. Отсутствие указаний здесь говорит о том, что или это не является важным, или – важным, но специальных инструкций дать здесь нельзя, так как все определяется конкретной ситуацией употребления. Множество вопросов, о которых рассуждает Остин, напротив, структурировано. Четко определенный характер последовательности, которой следует придерживаться, оправдан тем, что эти вопросы не выполняют исключительно оценочную функцию. На данном этапе видно, что они, кроме того, призваны помочь тому, кто их использует, справиться с задачей классификации предъявленного аргумента, и только дальнейшие переходы от возможных ответов на вопрос (3) к вопросам (4) или (5) служат собственно оценке. Это отличие двух подходов к оценке аргументов становится еще более явным в ходе последующих рассуждений Остина, когда функция новых критических вопросов, которые он предлагает, задается явно не только как оценочная, но и как классифицирующая, что в корне меняет привычный взгляд на оценочный протокол и аргумента к знанию, и презумптивных схем аргументации вообще.

### 5. Схема аргументации плавающего типа

Вернемся к ситуации с определением породы птицы. Положим, что на вопрос (3) дан положительный ответ, что позволяет считать фразу «Это щегол», при прочих равных условиях, модифицированной посылкой, посылкой 2\* аргумента к знанию: говорящий, *a*, отвечая на вопрос (3), делает заявление о том, что да, он *знает*, что это щегол. Теперь, по Остину, следует спросить автора этого заявления о том, откуда ему известно то, о чем он говорит, т. е. – задать вопрос (4).

Остин отмечает, что на вопрос (4) можно отвечать совершенно по-разному, и значит – его можно понимать совершенно по-разному, см. [Остин, 1987. С. 51–52]. Вместе с тем, легко видеть, что трактовки вопроса (4) образуют группы, одна из которых касается прошлого опыта говорящего, о котором его спрашивают, другая – данных его чувств, позволяющих ему делать заключение о том, какой породы наблюдаемая им птица, и еще одна – способностей автора аргумента сочетать свой прошлый опыт с тем, что открывается его глазам, не делая при этом ошибок. Естественно, что никакой единственно верной трактовки тут нет, и оба участника аргументации вольны выбирать ту из них, которая им в той ситуации, в которой они оказались, ближе.

Если вопрос (4) интерпретируется ими как вопрос об источнике знания участника *a* о птицах, то аргумент, к которому тот прибегает, когда произносит фразу «Это щегол», теперь совершенно точно следует классифицировать именно как аргумент к знанию, ведь вопрос (4), в который вкладывается такая его трактовка, восстанавливает посылку 1\* соответствующего аргумента. Так, отвечая на него, участник *a* мог бы сказать: «Мой приятель состоит в Мензбировском орнитологическом обществе; точно такую же птицу он не раз называл щеглом», откуда можно было бы вывести, что теперь *b* полагает, что у *a* есть источник знания, позволяющий ему судить о том, щегол перед ними или нет.

Если же вопрос (4) понимается и *a* и *b* скорее как вопрос о тех признаках, наблюдая которые *a* заключил, что перед ними щегол, и если ответ *a* скорее ближе



к фразе: «Потому что я вижу, что у этой птицы такой-то характерный нарядный окрас», то все вместе (начальную фразу *a* и его ответы на заданные *b* вопросы) следует расценивать уже не как аргумент к знанию, а как совершенно другую схему аргументации – аргумент к признаку, см. [Walton, 2006. Р. 113]. То, что предположительно считалось модифицированной посылкой схемы аргументации к знанию, теперь, после того как задан вопрос (4) и на него получен такой ответ, становится заключением аргумента от признака с посылками, где упомянуты характер оперения, наблюдаемого непосредственно, и общее соображение неясного источника о том, что, как правило, такой его характер свидетельствует о том, что птицу следует определить как щегла.

Наконец, если вопрос (4) касается в большей степени способности *a* сочетать свои знания с тем, что он видит в данный момент, и при этом не ошибиться, то ответом на него может быть фраза: «Щеглом нужно называть птицу, если у нее такие и такие видимые отличительные особенности». Теперь, после того как получен такой ответ на вопрос (4), аргумент *a*, в котором он утверждает, что перед ним и *b* именно щегол, начинает напоминать аргумент к номинальной классификации, см. [Walton, 2006. Р. 129]. Называя наблюдаемую птицу щеглом, *a* подводит частное под общее, соединяет данные чувств с общим знанием классифицирующего толка (об источнике происхождения которого и критической оценке пока речи между *a* и *b* не идет).

В зависимости от того, как именно понимают участники процесса аргументации вопрос (4), тип исходного аргумента изменяется: он либо становится собственно аргументом к знанию с восстановленными модифицированными посылками, либо начинает напоминать аргумент к признаку с одной непроясненной посылкой, либо – аргумент к номинальной классификации, характер одной из посылок которого также остается до времени не выясненным.

Теперь окончательно ясно, что функция вопросов, которые предлагаются автору аргумента, по Остину принципиально отличается от функции, которую выполняют критические вопросы Уолтона. Если последние нужны исключительно для того, чтобы оценить степень достоверности заключения схемы аргументации, тип которой уже известен (в противном случае – неясно, какие именно вопросы следует задавать), то первые нацелены на определение типа аргумента, на реконструкцию его полного вида, и, наконец, на собственно оценку. Так последовательности вопросов (3)-(4) и (3)-(5) частично преодолевают эпистемическую слепоту, так как позволяют выяснить, с чем именно имеет дело *b*: со знанием *a* (и тогда можно сомневаться в том, что *a* действительно знает) или же только с мнением *a* (наличие которого ставить под сомнение не имеет смысла). Различные интерпретации вопроса (4) позволяют уточнить тип аргумента и, в том случае если это действительно аргумент к знанию, – определить состав его посылок.

То, что в действительности на основе начальной фразы «Это щегол» (или на основе того, что было реально сказано, как это показал вопрос (3), а именно: «Я знаю, что это щегол») могут быть реконструированы разные аргументы (к знанию, к признаку, номинальная классификация) позволяет мне предположить, что мысль о том, что конкретные схемы аргументации с конкретным содержательным наполнением существуют в голове говорящего или слушающего наподобие

того, как существуют в голове или на бумаге план выступления или план крепости до того, как они воплощаются в реальности, является неверной. Напротив, схема аргументации *перформативна* – в том смысле, что ее существование неотличимо от ее развертывания. Помимо этого похоже, что она пребывает исключительно в интересубъективном пространстве, т. е. является функцией от тех коммуникативных правил, которых придерживаются автор схемы и слушающий, тот, кому она предназначена. Эти особенности реальных схем аргументации (т. е. тех, которые были использованы на самом деле, в живой практике, а не создавались исключительно для «служебного пользования» в ретортах академических изданий) делают их практически неуловимыми для анализа и оценки, если они проводятся в духе Уолтона.

Перформативная онтология схем аргументации, утверждающая их бытие как нечто неотличимое от их формирования, заставляет отказаться от привычного протокола анализа и оценки, подразумевающего, что схема может быть предъявлена для реализации этих процедур как нечто существующее вне функционального пространства диалога (как бы после того как он завершен) и, главное, – независимо от восприятия того, кто в нем участвовал. Подход Остина, нацеленный, как и уолтоновский подход, на выяснение условий обоснованности, приемлемости заключения, обращается с разворачивающейся реальной аргументацией куда более щадяще: она не загоняется в искусственные рамки какой-то одной модели, а лишь опутывается хитроумной сетью вопросов и возможных ответов на них, которая позволяет схеме менять свою форму – для того чтобы выпутаться из этой сети и попасть в другую, и действовать так до тех пор, пока один из участников аргументации не найдет для себя возможным поставить в диалоге точку.

«Чужое сознание» дает ключ к частичному преодолению эпистемической слепоты в том случае, когда функциональное пространство диалога формируется репликами так, что из их содержания и их отношения у участников аргументации складывается представление, что они имеют дело с чем-то, что напоминает аргумент к знанию (в уолтоновской терминологии). Почти ничего в этой работе не сказано о том, каким образом воспринимает участник *b* характер своей осведомленности о знании или мнении, которыми располагает участник *a*. Это поправимо, стоит только в вопросах (3-5) заменить местоимение «вы» на «я»: «Я, Трим, действительно знаю, что Тоби разбирается в вопросах фортификации или таково лишь мое мнение?», «Откуда я это знаю?» и т. п. Ясно, что отдельных изысканий требует выяснение соотношения между вы-вопросами и я-вопросами. То, что я вижу сейчас, подсказывает, что это соотношение не будет простым...

## 6. Схема аргументации в иллюкутивном горизонте

С помощью вопроса «Действительно ли *a* утверждал, что *C* истинно?» (когда мы придаем ему, например, такой смысл: «*a* действительно *утверждал*, что *C* истинно? Или он только высказал свое *предположение*?») под сомнение может быть поставлен не только *факт* высказывания или его содержание, но и его *характер*. Именно потому, что в теории речевых актов Остина характер слов, коммуникативную функцию, которую они выполняют, принято именовать *иллюкутивной*

силой; выше я предложил называть недостаток процедуры оценки аргументации, который заключается в игнорировании разнообразия таких сил, иллюкутивной слепотой. Так, в зависимости от того, утверждает ли Тоби, что такой и такой элемент крепости есть гласис, или намекает на это, или в этом клянется, или предлагает считать то и то гласисом, или просто говорит, что он так думает, действия Трима, желающего выяснить, как обстоят дела в действительности (и с наблюдаемым элементом крепости, и с речевыми актами Тоби), будут различаться. Но какими бы они ни были, оценка здесь, как и в случае с протоколами, изложенными в начале «Чужого сознания», неотделима от классификации<sup>1</sup>. Таким образом, акцент на иллюкутивной силе произнесенной фразы, как и серии критических вопросов Остина, стирает границы между некоторыми схемами: до тех пор пока не задан специфический критический вопрос, участники диалога могут считать, что имеют дело с одной схемой; после того как он задан, их мнение о типе схемы может измениться, а значит – может поменяться и сам тип, если только справедливо мое предположение о том, что онтология схем перформативна.

Преодоление иллюкутивной слепоты классифицирующей и оценочной процедур теории аргументации, занятой исследованием отменяемых схем, возможно благодаря пониманию глагола «утверждать», присутствующего в посылке 2 аргумента к знанию как глагола, указывающего на ту или иную иллюкутивную силу. Это дает основания предположить, что аргумент к знанию, где использована иллюкутивная сила глагола «утверждать», является как бы базовой схемой внутри множества аргументов к знанию, отличительной характеристикой каждого элемента которого выступает своя иллюкутивная сила-глагол. В таком множестве, вероятно, можно встретить аргументы, основанные на глаголах «допускаю», «считаю» или «ручаюсь». Также вероятно, что в каждом из этих случаев протоколы узнавания и оценки аргумента будут свои.

Например, если толковать фразу (2) как перформативное высказывание<sup>2</sup>, то следует признать, что произнеся «Я знаю, что это гласис», Тоби: 1) заверил Трима, что у него отсутствуют веские основания сомневаться в истинности того, что он говорит; 2) дал Триму слово, что в его словах содержится истина; 3) наделил Трима правом сообщать эту истину (со ссылкой на Тоби или без нее) дальше. И если теперь попробовать оценить этот перформативный аргумент к знанию средствами критических вопросов Уолтона, то можно увидеть, что все они оказываются малопригодны. Наиболее выпукло это видно при попытке задать вопрос 1. В самом деле, если принять следствия, которые производит действие «Я знаю...», то спрашивать о том, имеются ли у говорящего достаточно оснований для того,

<sup>1</sup> В самом деле, задавая вопрос о том, что именно делает Тоби, когда произносит предложение (2), Трим, например, может прийти к выводу, что он *дает* элементу крепостного сооружения имя «гласис», подобно тому как дают имя кораблю (схема, использованная Тоби в этом случае, больше всего напоминает номинальную классификацию по Уолтону). Или же Трим, снова посредством вопросов, может прийти к заключению, что Тоби лишь *высказал свое мнение* на основании того, что подметил кое-какие конструктивные особенности рассматриваемого ими элемента крепостного сооружения (и что, следовательно, была использована схема, похожая на аргумент к знаку).

<sup>2</sup> Подобный шаг, получивший в литературе имя «Austin's plunge», предпринимает Остин, когда сравнивает коммуникативные и прагматические свойства фраз «Я знаю...» и «Я обещаю...». Параллели действительно впечатляющие. Подробнее об аналогии, ее следствиях и ее критике см. [de Lara, 2019].

чтобы утверждать, что он знает, – означает не придавать большого значения его словам. Тот, кто в этом случае задает подобный вопрос, как бы не отличает фразу, эксплицитно указывающую на ее перформативный характер («Я (действительно) знаю, что это С»), от «просто» фразы, где такого указания не содержится («Это С»), и которая поэтому может быть чем угодно: предположением, догадкой, мнением или собственно знанием, но высказанным, замечу, именно как знание все же несколько неаккуратно. Вероятно, вместо этого следовало бы спросить о том, каков источник знания говорящего. И если бы такой вопрос Тоби адресовал Трим, то он услышал бы в ответ, к примеру, что источником знания служит книга военного инженера Стевина. Однако в случае с перформативной интерпретацией аргумента к знанию подобный вопрос нужен не столько для того, чтобы выяснить степень обоснованности заключения, сколько для того, чтобы приобрести в свое пользование больше прав на то, чтобы самому использовать этот аргумент. Теперь Трим может говорить о том, что он сам знает, что такой-то элемент крепости есть гласис, а в ответ на вопрос о том, откуда ему это известно, ссылаться на слова Тоби, который, как теперь ему известно, читал труд Стевина о фортификации.

## 7. Заключение

Я показал, что практическое и академическое использование схемы аргументации к знанию в том виде, в котором она дана у Уолтона, чрезвычайно затруднено: опущенную посылку, равно как и ответы на критические вопросы, часто приходится изобретать или, правильнее сказать, выдумывать. Я предложил уточненные формулировки посылок аргумента к знанию и показал, что их оценка может быть дана средствами вопросно-ответных протоколов, которые описал Остин в «Чужом сознании». При их использовании не только удастся преодолеть недостатки уолтоновской процедуры оценки, заключающиеся в невнимании к эпистемическому и иллюкутивному измерениям слов, составляющих содержание аргумента, но и уточнить функции критического вопроса в аргументации. Если, по Уолтону, единственной их функцией остается оценка, то вопросы и ответы, по Остину, помимо того что они позволяют оценить аргумент как приемлемый или неприемлемый, во-первых, помогают выяснить тип аргумента, и во-вторых, – восстановить опущенные посылки. При этом выяснение типа аргумента и его оценка оказываются связаны между собой диалектически: для того чтобы понять, с каким типом аргумента пришлось столкнуться, его нужно попытаться оценить; для того чтобы оценить аргумент, необходимо в некотором приближении иметь представление о его типе.

Это наблюдение дало мне основание для того, чтобы предположить, что онтология типов схем аргументации имеет перформативное измерение. Это означает, что говорящий, произнося фразу «Это С», указывая при этом рукой на такой-то предмет, в случае когда у присутствующих есть сомнения в том, что этот предмет есть С, в действительности еще не формулирует какой бы то ни было аргумент заданного типа. «Это С» в совокупности с условиями произнесения может стать аргументом, например, к знанию, если таковым его сделают сами участники

коммуникации – задавая друг другу вопросы и отвечая на них сообразно. То же замечание справедливо и для прочих типов аргумента, не только к знанию.

Рефлексия над практическими сложностями использования схемы к знанию привела меня к осознанию необходимости предложить новые формулировки ее посылок, что позволило развернуть эту схему сразу в двух горизонтах: эпистемическом и иллокутивном. Так, оказалось, что за схемой к знанию скрывается множество схем: состав этого множества зависит, во-первых, от того, каков характер знания говорящего и слушающего (о положении дел и о знании друг друга); во-вторых, он определяется тем, каким именно образом говорящий осуществляет свое высказывание, дающее начало процедурам узнавания и оценки. Естественно, что изменение состава посылок схемы аргументации приводит к изменению состава критических вопросов, средствами которых ведется узнавание типа схемы и проверка приемлемости ее заключения. Особого интереса, с моей точки зрения, заслуживает такой вид схемы к знанию, который Остин называл перформативным. Оставив в стороне вопрос о системе видимых, практических критериев перформативного характера этой схемы, я выяснил, что уолтоновские критические вопросы оказываются совершенно неприменимы для оценки аргумента такого вида, и предложил ряд новых формулировок, призванных установить как наличие факта перформативного аргумента к знанию, так и успешность его осуществления.

Расширение функций критического вопроса, факт существования разновидностей известного типа схем, где видовым отличием служит в том числе и способ их выражения, вопросно-ответные протоколы оценки и узнавания схем, отличающиеся от общепринятых (уолтоновских) вместе могут дать начало новому подходу к схемам аргументации, ориентированному на его непосредственное, практическое использование не только в университетской аудитории, но и за ее пределами.

### Список литературы

- Остин Дж.** Чужое сознание / Пер. М.А. Дмитриевской // *Философия, логика, язык*: Пер. с англ. и нем. / Сост. и предисл. В.В. Петрова; общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 48–95.
- van Benthem J.** Modal Logic for Open Minds. Stanford, 2010.
- de Lara J.** Taking a plunge: A Cavellian reappraisal of Austin's unhappy analogy // *British Journal for the History of Philosophy*. 2019. Vol. 27. № 6. P. 1215–1238.
- Michel J. G.** How Are Species Discovered? // *Grazer Philosophische Studien* 96 (2019). P. 419–441.
- Walton D.** Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge University Press, 2006.

### References

- Austin J.**, 1987. Other Minds. In: *Philosophy, Logic, Language* [Filosofija, logika, jazyk]. Moscow, pp. 48–95 (In Russ.).
- van Benthem, J.**, 2010. Modal Logic for Open Minds. Stanford.

- de Lara J.**, 2019. Taking a plunge: A Cavellian reappraisal of Austin's unhappy analogy. *British Journal for the History of Philosophy*, 2019, Vol. 27, No. 6, pp. 1215-1238.
- Michel J. G.**, 2019. How Are Species Discovered? *Grazer Philosophische Studien* 96, pp. 419-441.
- Walton D.**, 2006. *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge University Press.

### Информация об авторе

**Карпов Глеб Викторович**

Кандидат философских наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

### Information about the Author

**Gleb V. Karpov**

Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer, Saint-Petersburg State University.

*Статья поступила в редколлегию 17.05.2022;  
одобрена после рецензирования 31.05.2022; принята к публикации 15.06.2022  
The article was submitted 17.05.2022;  
approved after reviewing 31.05.2022; accepted for publication 15.06.2022*